

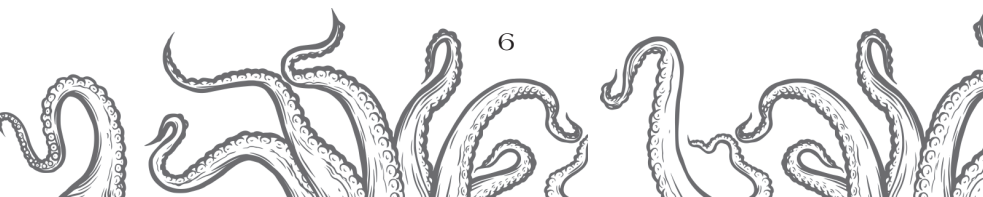
Посвящается Чаку —
без тебя этой книги не было бы.
Во всяком случае, без твоей веры
в неизмеримую силу чеснока.



В себя он пришел на бровях, нет, без бровей, понятия не имея, как оказался в таком состоянии.

И дело даже не в том, что он никак не мог вспомнить, почему лежит навзничь или почему по всей комнате тлеют какое-то крохотные костерки. Он и комнаты-то вспомнить не мог.

А комната была не из тех, которые легко забыть. Пол из черного мрамора с будто бы вдавленными в него concentрическими серебряными кругами. Остатки сложного узора из магических рун и неведомых загогулин, нанесенного мелом по внешнему кругу и стертого до почти полной неразборчивости. Кинжал, весь в запекшейся крови, с мертвой головой в наверхии рукояти, от одного вида которого по спине побежали мурашки. Со стены свисали вмурованные в камень кандалы, и он ощутил мимолетную благодарность за то, что всего-навсего лежит на полу. Интересно, а этот огромный птичий скелет используется в каких-то практических целях или просто служит украшением? Человеческий череп, к примеру, с торчащей из него оплавленной свечой явно пытается играть обе роли. Причем безуспешно. Ну и кто, интересно, выбрал подобный стиль оформления? У него возникло сильное искушение поделиться своими мыслями



Я, УЖАСАЮЩИЙ

с владельцем дома, только вот он не помнил, кто этот владелец.

Да и кто он сам — тоже.

Осознание этого не столько поразило, сколько вежливо похлопало по плечу, терпеливо ожидая, когда же он перестанет отвлекаться на всякую ерунду. От этой мысли у него перехватило дыхание. Как ты мог забыть, кто ты такой? А если забыл, как мог не заметить такого простого факта?

Но, с другой стороны, как часто ты задумываешься об этом? Он не мог припомнить, когда в последний раз сообщал себе свое собственное имя. Хотя, опять-таки, он не мог вспомнить вообще ничего. Придется спросить первого встречного.

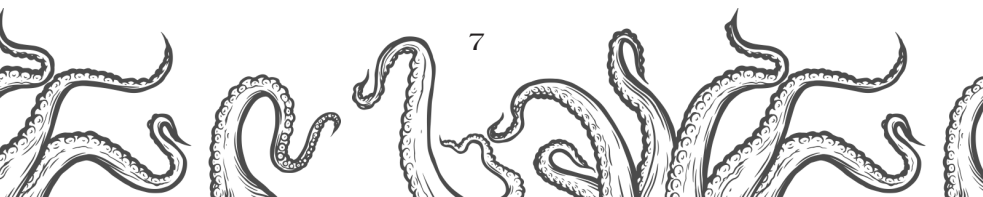
Кто-то постучал в дверь.

И он сразу отказался от намерения кого-либо о чем-либо спрашивать. Он валялся в одиночестве в чьей-то разгромленной мастерской — в кабинете человека, для которого человеческие черепа служили декором, а вокруг тлели пожары. Ему как-то не хотелось, чтобы зловещий владелец помещения вернулся и обвинил во всем его.

Может, если не дергаться и сидеть тихо-тихо, хозяин уйдет?

Скелет птицы очень медленно и очень — несомненно — преднамеренно развалился.

У него было достаточно времени, чтобы увидеть, как скелет начал падать, и почувствовать, как вместе со скелетом падает его сердце. А вот времени, чтобы поймать бывшую птицу, было явно недостаточно, хотя он и пытался. Куча костей, крепление которых наверняка ослабило то же, что украло его брови и память, треснулась на пол прямо перед его вытянутыми руками — с грохотом, нещадно ударившим по нервам



и эхом разнесшимся по кабинету. Некоторые кости отскочили и с мелодичным бряцаньем посыпались с полки. Он бросился за ними — как будто надеясь, что, если остановить этот звук, тот, кто стоит снаружи, не заметит первого удара. Но кости выскальзывали из трясущихся пальцев, создавая каскадный эффект арпеджио. Локоть врезался в птичий череп, и тот, ухмыляясь, с громким стуком покатился по полу. Опушенная на череп нога захлопнула разинутый клюв, но толчок вывел из равновесия высокую стопку книг. Книги он удержал, не дав им упасть, и запихнул поглубже, сбив стоящую сзади каменную ступку с пестиком. Ничего иного, кроме как признать свое поражение, не оставалось. Ступка, лишь чуть-чуть выщербленная, неторопливо прокатилась по спирали, и стук камня, бьющегося о камень, наконец затих.

Последовала долгая пауза.

Потом в дверь опять постучали.

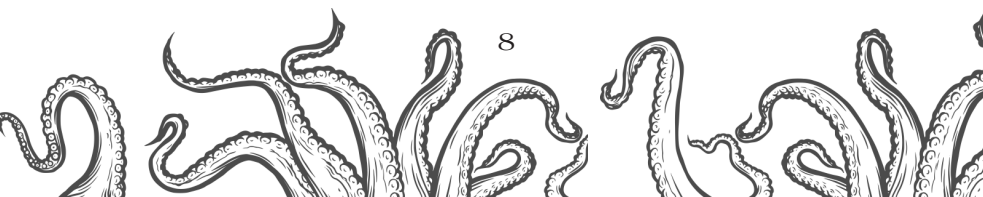
— Милорд? — Голос был скрипуч и с сильным акцентом, как будто слова не были в пору произносящему их рту. — Нужна пожарная команда?

Ох. Наверное, следует все-таки попытаться потушить эти маленькие костерки, пока не занялось что-нибудь покрупнее. Но если впустить сюда пожарных, то обнаружится, что никакого милорда тут нет, а есть только он, и всем захочется узнать, кто он такой, и последует множество неудобных вопросов, на которые у него нет ответов.

Как должен звучать голос этого их лорда? Зло, несомненно. Неплохо бы придать голосу глубину. И говорить коротко.

— Все в порядке.

Он лихорадочно огляделся. Ничего для тушения огня в комнате не наблюдалось. На черном столе сто-



яла разнообразная стеклянная посуда — ну, по крайней мере, раньше стояла. Оставалось надеяться, что это не проблема, что половина колб разбита вдребезги, а из треснувшего перегонного куба сочится синяя жидкость. Хотя, судя по шипению стола, может, и проблема. Но как-то не похоже, чтобы в оставшихся склянках была вода. К счастью, большинство очагов возгорания еле теплились.

— Нужна помощь, милорд?

Какова настойчивость! Весьма похвально! Даже, возможно, самоубийственно! Обладатель голоса явно ставил долг превыше чувства самосохранения. Схватив толстую пачку бумаг, он принялся прибавать мелкие язычки пламени.

— Нет! — Задетая бутылка полетела на пол, расплескавшись эффектным фонтаном стеклянных брызг. Над ее стремительно подсыхающим, превращающимся в порошок содержимым потянулся лиловый дымок.

— Милорд? — Ручка двери заходила ходуном.

Голос его сорвался на визг:

— Не входите! — Теперь уж стоящий за дверью никак не мог не заметить, что в комнате не его хозяин, но было уже слишком поздно придумывать план получше. — А то... э... сорвется залятье!

Ручка тут же перестала трястись.

— Простите, милорд! — Кажется, в голосе за дверью тоже зазвенели нотки паники.

— Оставьте меня в покое!

Ну вот, еще один пожар погас. Но брызги разъели подол балахона, превратив его в кружево.

— Да, милорд!



Он бы, конечно, наслаждался удаляющимся топотом, если бы не был так занят тушением занявшегося свиного крыла.

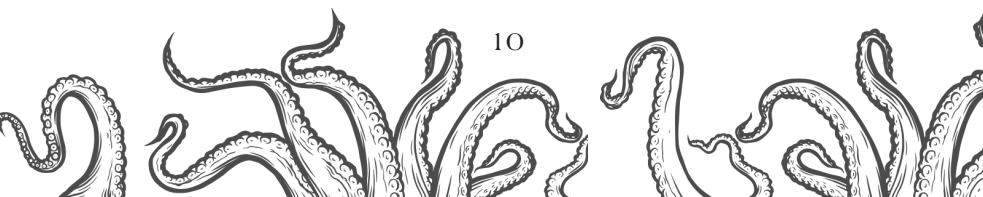
Только справившись с последним очагом возгорания, он сообразил, что пачка бумаг сама по себе могла представлять какую-то ценность, и, наверное, было неблагоприятно превращать несколько нижних ее листов в обугленный мусор.

Тяжело отдуваясь, он рухнул в громоздкое кресло в углу. Кресло выглядело настоящим чудовищем, кошмаром из темного дерева, весящим не меньше тонны. Украшала его искусная резьба: нагие знойные женщины, едва прикрытые волосами. Одна облизывала яблоко, которое держала в руке, длинным раздвоенным языком. Он уставился на резьбу с восхищением и смутным отвращением. «Шедевр» жутко отвлекал от реальных проблем, которые нужно обдумать.

Итак, у него шок. Как же это неудобно, что мозг, реагируя на смертельную опасность, сильно поглупел.

Сосредоточиться. Кто он такой? На нем черный бархат, ниспадающий до самого пола. Добротная ткань, если не считать новых дыр. Дорогая. Мягкие туфли, не предназначенные для уличных прогулок. Пояс из маленьких соединенных друг с другом серебряных бляшек, по ощущениям — сделанный за по меньшей мере пару лет до регулярного злоупотребления пивом и сдобой. Рукава безнадежно испорчены, изодраны и опалены, только лохмотья болтаются. От всего этого неприятно сосало под ложечкой.

Гигантское зеркало шириной в сажень и вдвое выше человеческого роста громоздилось на резной подставке, привинченной к полу в паре дюймов от стены. Сверху свисал кусок черной ткани, полно-



стью прикрывающий стекло, позволяя видеть лишь неясные очертания.

Он заставил себя подняться на ноги. Глубоко вдохнул — и сорвал тряпку.

Никакого шока узнавания.

Лицо мужчины средних лет, взглянувшее на него из стекла, не было даже отдаленно знакомым. Бледная кожа, темные волосы, довольно злодейская козлиная бородка. Впрочем, мрачный образ несколько подпорчен намечающимися брылями. И копотью. И отсутствием бровей.

Сердце ухнуло прямо в пятки. Зловещая комната, где смешалось жуткое и нелепое? Это его комната. Человек за дверью повиновался его приказам, потому что это были приказы хозяина. А кто может жить в такой комнате, кто может одеваться подобным образом?

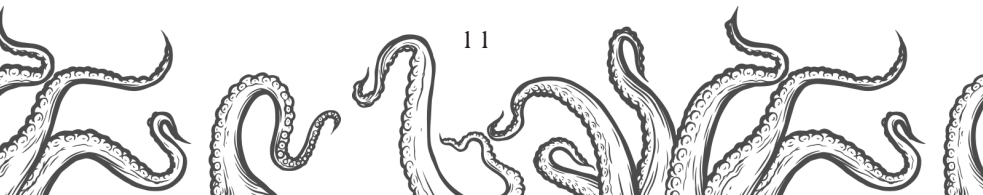
Только Темный Маг.

Он — Темный Маг.

Он почти ожидал хоть какого-то подтверждения этого осознания. Раската грома, карканья ворона. Но не дождался. Разглядывая собственное отражение, он чувствовал себя все более и более нелепо. Поднял руки, уставился на ладони, желая, чтобы они затрепщали, заискрились, наполнились огнем или, ну, хоть чем-нибудь.

Ничего.

Впрочем, само зеркало наполняло его тревогой, не желающей рассеиваться, пока он вновь не накрыл стекло черной тканью. Хотя... у ткани имелось две стороны. Одна полупрозрачная, позволяющая разглядеть сквозь нее очертания предметов. А другая — как так-то? — абсолютно непроницаемая. Он не понимал, откуда ему это известно, но что-то подсказало убедиться, что к зеркалу обращена непрозрачная сторона.

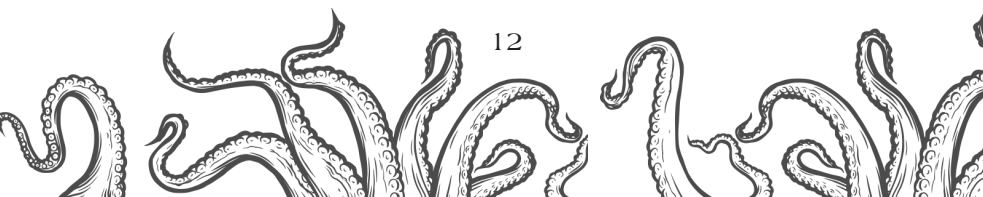


Итак. Маг. Колдун. Что ж, с этим уже можно работать, но отсутствие имени все равно раздражало. Стол был завален опаленными бумагами и гранеными кристаллами, закупоренными склянками и маленькими деревянными шкатулочками, и все это было густо усыпано битым стеклом. Придется разбираться. Наверняка тут найдется какая-нибудь зацепка.

Он сгреб пригоршню бумаг. На секунду испугался, что разучился читать (откуда он знает, что должен уметь читать?), но слова выглядели вполне знакомо. Это были записи заклинаний, чертежи и пояснения. Он читал, чувствуя, как возвращается смысл. Остановился на миг, глядя на свою руку. Недостаточно просто пожелать сотворить пламя, нужно еще представить схему, привязаться к другому объекту и кое-что *переключить* в мозгу. Засушенная роза, часть совершенно неуместного тут букета, засунутого в пыльную вазу в углу, рассыпалась прахом, когда на ладони его возник маленький огненный шарик. Он смотрел на него, пока пламя не потухло, спалив все вложенное в него топливо. А он чуть не заплакал. Он все еще что-то помнил. Он не совсем бессилен. В нем есть магия.

Толика магии, по крайней мере. Простое ему подвластно. А вот сложные механизмы ускользают. Он ощущал в своем сознании затененные структуры — словно вошел в темный собор с одной-единственной свечой. Воспаряющие ввысь контрфорсы скорее ощущались, чем были видны. Они стояли на месте, просто ожидая, когда будет достаточно света, чтобы показаться.

Что тут еще имеется? Он принялся наугад открывать шкатулки. Три зуба, достаточно маленькие, чтобы предположить, что принадлежали они человеческому ребенку, и с достаточно большими корнями, чтобы

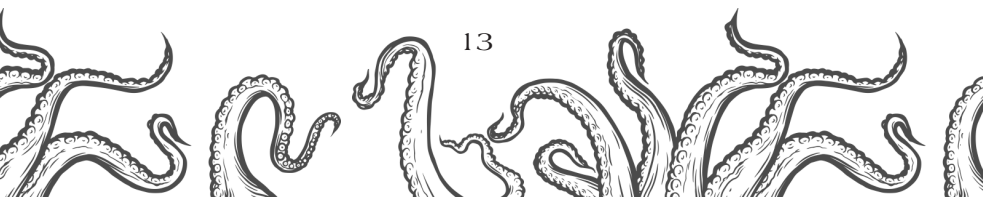


усомниться, что они выпали сами. Кучка черных шариков — только потыкав в них пальцем, он сообразил, что это помет, и с отвращением отдернул руку. Пуговица, крохотный золотой ключик, огарок свечи, мышинный череп, черный камень, покрытый замысловатой резьбой, буквально сочащийся злобой. Две шкатулки оказались тщательно запечатаны воском; он не помнил, что в них, но понимал, что, что бы там ни было, это лучше не трогать. На будущее придется оставлять себе какие-то заметки. Хотя... а если записи попадут в руки врага? Кстати — у него есть враги? Большинство Темных Магов имеют врагов. Наверняка именно поэтому он и оказался в таком положении.

Он откинулся на спинку кресла и оглядел комнату. Бумаги, повсюду бумаги. Книги, стопки, перевязанные пыльными черными и красными лентами, беспорядочные груды. Потребуется год, а то и больше, чтобы прочесть это все. Он не был уверен, что у него есть год. В конце концов ему понадобится выйти из этой комнаты, и тогда кто-нибудь наверняка заметит его затруднения. И что этот заметивший сделает, узнав правду?

Что ж, в крайнем случае он попытается сжечь приставалу заживо. Мысль показалась ему и отрадной, и отчего-то вовсе не утешительной.

Неожиданно под осколками и птичьими костями на столе он заметил какую-то банку, и сердце возбужденно подпрыгнуло. Почему? Кажется, именно это он и искал. Это было частью рутины. Разумеется, никакой этикетки на банке не было. Вдохнув поглубже, он отвинтил крышку. Внутри копошились черные мохнатые гусеницы. Извивались, ползали друг по другу. Отвратительно. Его даже замутило. С этими гусеницами было что-то не так. Приглядевшись, он понял,



что у них нет ног. Да и тел-то нет. Они больше напоминали полоски волос. Он смотрел, смотрел, и вдруг разразился хохотом — ну разве что слегка истеричным.

Это были брови.

Великий Тиртракс, такое, наверное, происходит с ним постоянно, если он держит под рукой целую банку запасных бровей. Ну, неконтролируемые взрывы, по крайней мере, если не потеря памяти. (И кстати, кто такой этот Великий Тиртракс? Перед мысленным взором промелькнули вдруг совиные крылья, и дрогнуло воспоминание о жарком дыхании и чужом неутолимом голоде, и возникла твердая решимость в будущем поосторожнее призывать кого бы то ни было.) Он взял одну из мохнатых ленточек за самый кончик и, поколебавшись, поднес к лицу. «Гусеница», изогнувшись, потянулась к его лбу. Слотнув, он прижал ее к коже. Полоска поползла по лицу (от чего затылок его покрылся мурашками), а потом впилась в плоть крохотными коготками. Он невольно выругался — и весь букет объяло пламя.

На сей раз, однако, он вспомнил заклинание для тушения небольших пожаров. Затем, стиснув зубы, выбрал еще одну бровь. Вживление прошло не менее болезненно, но хотя бы не так неожиданно. Он приподнял завесу на зеркале, проверяя результат. Что ж, когда брови заняли свое место, он обрел вид куда менее глупый и куда более внушительный. Только вот с жирком на подбородке ничего не сделать, не прибегая к заклинанию посложнее. Интересно, почему он не применил его раньше? Вероятно, его прошлое «я» отказывалось признавать свои недостатки.

В животе заурчало. И когда же его прошлое «я» ело в последний раз?

